

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

8 - МАР 1988

АВТОРИТЕТНОЕ МНЕНИЕ

ВСЕ ЗАБОТЫ МОИХ РОВЕСНИЦ

Мая-Гозель Аймедова,
народная артистка СССР, лауреат
Государственной премии СССР

Звонок раздался поздно вечером. Вместе с взволнованным голосом молодой женщины из телефонной трубки доносился шум транспорта. Поминутно извиняясь за беспокойство, Джахан (назовем ее так), плача, рассказала, что находится в положении безвыходном: с тремя детьми она оказалась без крыши над головой, на улице. Нигде не найдя помощи и поддержки, решила обратиться ко мне как к депутату Верховного Совета республики.

Что же случилось с Джахан?

Испытаний на долю 27-летней женщины выпало немало. Трагический случай лишил семью кормильца: муж Джахан работал на стройке, по чьей-то халатности на него обрушилась балка. Оказавшаяся бессердечной свекровь выставила семью сына за дверь. Отыскав полуразвалившуюся временку, Джахан рада была, что наконец укладывает детей спать не на скамейке. Но нагрянула с выселением милиция...

Пришлось повоевать за квартиру Джахан. Первый раз в Ашхабадском горисполкоме меня и слушать не стали, не вникая в подробности, ответили отказом. И лишь потом удалось настоять на решении по совести.

И вот вновь позвонила Джахан. Теперь радостная. Приглашала на новоселье: высокий дом-красавец, большая кухня, уютные комнаты...

— Ой, Мая Аймедовна, есть все-таки на свете справедливость, — искренне и, может быть, чуть наивно говорила Джахан.

Справедливость, совесть... У женщин, на мой взгляд, особое социальное чутье на эти нравственные начала.

Увы, не без горечи мы замечаем: ритм жизни сегодня таков, что в воспитании детей мы все больше переходим на «дистанционное управление»: «воспитываем» их по телефону, даем наказ через бабушек. Обвинять ли в том мать? Думается, на это никто не осмелится, понимая: женщина-мать очень занята. Вот оборотная сторона эмансипации. И надо прямо сказать: мы расплачиваемся за нее слишком высокой ценой — ущербом в воспитании детей.

Я убеждена: если женщина выполняет утомительную, а то и вредную для здоровья работу, если в детском саду она вынуждена отдавать ребенка на «пятидневку», а в школе на «продленку» — это не ее личные проблемы. Это проблемы общественные, социальные, которые надо решать.

Думается, в любом городе, поселке, селе местные руководители просто обязаны постоянно помнить, что матери и их чада — это не нечто отвлеченное, существующее само по себе, а будущее (ни больше, ни меньше) города, поселка, деревни. Помнить и действовать в их интересах, считать первостепенными строительством детских садов, развитием службы педиатрии, сферы услуг. У нас же в Туркмении определить ребенка в ясли практически невозможно. Обеспеченность больничными койками в 1,3 раза ниже установленного норматива. Почти то же самое и с поликлиниками. Заболел ребенок, обратиться некуда. Удивительно ли, что детская смертность в республике вдвое выше, чем по стране?

Не хочу быть категоричной, но все-таки решусь утверждать: забота об обычной семье, о матери и ее ребенке была бы более эффективной, когда бы и в руководстве местными Советами, и в руководстве хозяйством чаще встречались женщины. Кто лучше, нежели они, и знает, и понимает проблемы своих сверстниц? Но неохотно доверяют в Туркмении ответственные посты женщинам. Всего одиннадцать их стоят во главе горкомов и райкомов партии, исполкомов городских и районных Советов народных депутатов. А всего таких партийных комитетов и исполкомов в республике 115.

Жизнь актрисы кому-то, возможно, кажется сплошным праздником. Но, поверьте, передо мной тоже стоят земные проблемы любой женщины: магазин, кухня, уборка, стирка, химчистка и т. д. И поэтому со знанием дела могу сказать: торговли, например, еще мало коснулись перемены. Хочешь что-то купить и не можешь, поскольку по выпуску товаров народного потребления на душу населения республика занимает последнее место в стране. Быт «съедает» уйму времени женщины, мешает раскрыться ей как личности. Разве про-

думаны, к примеру, услуги специально для многодетных семей, каких у нас в Туркменистане много? Скажу даже точнее — почти тридцать процентов. Но сфере услуг не до них — ведь и обычный сервис отстает. Если в стране в среднем он выполняет заказов населения на 40 рублей в год, то в Туркмении лишь на 17.

Такое небрежение вещами, казалось бы, элементарными, недопустимо. Ведь и оно создает питательную почву для феодально-байского отношения к женщине. Живуча, казалось, канувшая в прошлое поговорка: коня можно подарить, а дочь — только продать. Бывает, назовут свадьбу комсомольской, а идет она по стародавнему обряду, с калымом.

В моей почте нередко бывают горькие письма-исповеди женщин, особенно из сельской глубинки. В одном письме девушка, выданная замуж против воли, поведала об издевательствах новой семьи, разлуке с любимым человеком. Я обратилась в высокие инстанции, однако помочь опоздала: девушка покончила с собой страшным способом — самосожжением. И ведь подобные случаи не единичны. Разве могут тут снять с себя вину местные партийные, советские органы, женсоветы?..

Судьба мне подарила счастливую встречу с удивительной женщиной — директором Небит-Дагского детского дома Валентиной Викторовной Былинкиной. О каждом из воспитанников она заботится, как о родном ребенке. Но ведь есть и другой аспект проблемы: среди 130 воспитанников, например, Тедженского детского дома только 18 — сироты. У остальных есть матери — лишние родительских прав, страдающие алкоголизмом или ведущие аморальный образ жизни. Так вот за этих женщин, утративших все женское, убивших в себе мать, нужно нам бороться, всем миром предотвращать детские трагедии, бороться за здоровую семью.

Когда на XXVII съезде партии я слушала выступление учительницы из Узбекистана Якубовой, у меня сердце кровью обливалось. Много из того, о чем она говорила, печально знакомо и мне. И я с болью гляжу на наши туркменские школы, полуразваленные, годами не ремонтирующиеся, с переполненными классами. В каждом из трех школ занятия идут в две-три смены, каждый четвертый учитель — без высшего образования. Есть такие вопиющие факты: в Ташаузской области многие классы размещены в бывших туалетных комнатах, не хватает пионерских лагерей, пансионатов. Чем это объяснить? Экономией средств капиталовложений? Но экономить на детях безразлично, ибо экономия эта может обернуться такими убытками, что никакими дотациями не покроешь. И об этом с убеждающей силой было сказано на февральском (1988 года) Пленуме ЦК КПСС.

И еще проблема. Что конкретно делаем мы для духовного развития молодого человека, для формирования его нравственных критериев?

Мне становится стыдно, когда в наш Театр юного зрителя в Ашхабаде приходят дети. Стыдно за здание театра, за его внутренние помещения. Когда я как секретарь партийной организации театра на протяжении долгих лет обращалась на партийных конференциях с этими вопросами к руководству, все сочувственно кивали, разводили руками и объясняли... последствиями землетрясения. Но землетрясение со всем своим огромным ущербом произошло в 1948 году. И за сорок лет мы не смогли построить Тюз? Пятнадцать лет строим музыкальные училища?

Дети, наши дети... И для матери, и для Родины они сыновья, дочери. Мне повезло, я сыграла роль Марии Александровны Ульяновой в спектакле «Семья». Материнское и гражданское чувства в ней были нераздельны. Пусть же на путях революционной перестройки общества светит нам, дорогие подруги, образ матери вождя революции.

Записала
Е. ПРИХОДЬКО.